

УДК 347.121.2

ОБОСНОВАНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

И.В. Чалов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Становление буржуазного общества в эпоху Нового времени потребовало социально-философского обоснования частной собственности как краеугольного камня всех без исключений институтов. В отличие от современного общества, в котором право частной собственности воспринимается как самодовлеющее, философы XVII-XVIII вв. видели необходимость его обоснования, соотнесения с ценностями более высокого порядка. В статье прослеживается эволюция идеи частной собственности на примере трёх наиболее ярких концепций, представленных в трудах Дж. Локка, И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля.

Ключевые слова: *частная собственность, генеалогия собственности, первоначальное присвоение, труд, воля.*

Понятие собственности – одно из тех, что лежат в самом основании экономического и социально-философского мышления. Однако, как часто бывает в подобных случаях, попытки сформулировать его сталкиваются с огромными сложностями. Понятие собственности определяет набор правил, регламентирующих доступ к неким ресурсам и контроль над ними. Такое определение оказывается верным до тех пор, пока мы избегаем каких-либо уточнений. Всякая попытка его конкретизации открывает бесчисленное множество дискуссионных вопросов. Какие именно правила включаются в понятие собственности? Что мы понимаем под ресурсами? Что может быть объектом собственности, а что не может? Что мы понимаем под доступом и контролем? Список можно продолжать очень долго. Но оказывается, что понятие собственности меняется в зависимости от исторической эпохи, страны, даже в зависимости от конкретного собственника или объекта собственности.

Пожалуй, единственное, что можно постулировать с уверенностью – это социальная природа собственности. Например, у Юма читаем: «Наша собственность не что иное, как благо, постоянное владение которым закрепляется за нами общественными законами» [6, с. 531]. Действительно, всякая попытка апеллировать к некоей «естественной» собственности обречена на неудачу. Даже базовое предположение Локка (о его теории собственности будет сказано ниже) о естественном праве собственности человека на «собственную личность» [3, с. 234] сталкивается с многовековой практикой рабовладения. Конечно, можно было бы возразить, что рабовладение противоестественно. Однако у Аристотеля, например, на этот счет было совсем иное мнение. С другой

стороны, Лев Толстой считал противоестественной собственностью на землю (основополагающую для Локка и большинства мыслителей Нового времени), утверждая, что право земельной собственности «столь же возмутительного в наше время (1908. – И.Ч.), как полстолетия тому назад было право крепостное» [5, с. 42]. Таким образом, «естественность» того или иного проявления отношений собственности оказывается весьма условной и зависит она от принятых в данном обществе представлений о справедливости.

В предыдущих примерах правильнее было бы говорить не о собственности вообще, а о частной собственности. Здесь во избежание дальнейших ошибок необходимо сделать пояснение касательно различных видов отношений собственности. Можно выделить три не сводимых друг к другу вида собственности: общую, коллективную и частную. Весьма распространена ошибка, при которой эти виды смешиваются или собственность вообще подменяется понятием частной собственности. В современном мире существуют примеры всех трех видов, и можно с уверенностью утверждать, что обществ, основанных исключительно на каком-то одном виде собственности, не существовало никогда. Тем не менее применительно к каждому социуму имеет смысл говорить о господствующем, доминирующем виде собственности. Для современного капиталистического общества это, безусловно, частная собственность. В то же время история знает примеры обществ с господствующей общей (племена индейцев в доколумбовой Америке) или коллективной (социалистические государства) собственностью. Система частной собственности основана на признании прав отдельной личности распоряжаться принадлежащими ей ресурсами в соответствии с собственными нуждами, желаниями, по собственной инициативе. Права эти обеспечиваются и гарантируются не самой личностью, а обществом. При этом признается, что владелец волен распоряжаться своей частной собственностью в личных интересах, в том числе вопреки интересам общества.

Право частной собственности лежит в основании либеральной идеи. Но право это не является самоочевидным и нуждается, в свою очередь, в социально-философском обосновании. Безусловно, отправная точка в либеральном обосновании непреложного значения частной собственности – воззрения Джона Локка. Концепция Локка изложена в форме генеалогии собственности. Для европейской философской традиции этот методологический прием является традиционным. Нужно понимать, что, описывая историю того, как могла бы появиться частная собственность, философ не претендует на историческую достоверность. Генеалогия представляется формой нарративного изложения логики формирования существующих институтов. В качестве исходного положения Локк принимает то, что земля была дана Богом всему человечеству, а не его отдельным представителям. Таким образом, общая собственность является богоданной формой и отступления от нее требуют

очень весомых этических обоснований. В отличие от своих предшественников (в том числе Гоббса) Локк не находит достаточным обоснованием ссылки на некий всеобщий и негласный договор. «Хотя земли и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью. Так как он выводит этот предмет из того состояния общего владения, в которое его поместила природа, то благодаря своему труду он присоединяет к нему что-то такое, что исключает общее право других людей» [3, с. 234].

Таким образом, Локк строит свою теорию на сочетании двух оснований: теории первоначального присвоения и предположении о субстанциональном этическом значении труда. В работах современников, например Самюэля фон Пуфендорфа [8], теории первоначального присвоения основаны на предположении, что первые люди, получившие доступ к ресурсам (прежде всего к земле), не конкурировали с другими людьми за эти ресурсы, и присвоение собственности одним человеком не ограничивало возможностей других людей. Не важно, каким образом приобретается и используется собственность, главное, что, получая собственность, человек не отнимает ее у другого человека. Локк в целом принимает эту схему, но для него имеет принципиальное значение продуктивное использование земли. Помимо этического оправдания частной собственности, это дает Локку возможность разрешить противоречие, заложенное в самой теории первоначального присвоения: не обделая кого-то конкретно, первоприобретатель неизбежно сокращает и, вероятно, ухудшает общую собственность, выделяя из неё свою часть. Однако, с точки зрения Локка, продуктивный труд на частной земле должен неизбежно привести к росту общего благосостояния, компенсировав потери, связанные с частным присвоением.

Понятно, что Локк говорит в первую очередь о земле и имеет в виду первоначальное присвоение. Однако идея собственности как отношения между человеком и вещью, несущей в себе часть его самого, его труда, кажется очень привлекательной. Не является ли приобретение некоего товара за деньги таким же вложением собственного труда в вещь, как и возделывание поля? Кажется, что единственное различие будет заключаться в степени опосредованности. Кроме того, Роберт Нозик в своей ставшей классической книге «Анархия, государство и утопия» придает именно теории Локка огромное значение: «Несмотря на то, что разъяснение конкретной теории приобретения Локка сопряжено

с разнообразными сложностями, я утверждаю, что всякая адекватная теория справедливого присвоения будет содержать условие, аналогичное слабому условию, приписываемому Локку» [7, р. 178]. Под «слабым условием» Нозик понимает требование Локка, чтобы «присвоение... не наносило ущерба какому-либо другому человеку» [3, с. 237].

Тем не менее Кант, развивая теорию первоначального приобретения, прямо полемизирует с Локком, а иногда даже иронизирует по поводу отдельных положений его теории. «Обработка земли, если речь идет о первом приобретении, есть не более как внешний признак вступления во владение, который может быть заменен многими другими признаками, требующими гораздо меньших усилий» [2, с. 178]. Кант указывает, что, следуя логике Локка, мы должны признать, наличие неких отношений между владельцем и вещью, в которую он вкладывает свой труд. Но вещь по определению лишена субъектности. Иначе украденная или потерянная вещь должна была бы хранить верность своему прежнему хозяину. Также не без иронии Кант замечает, что вложение труда в вещь, не принадлежащую человеку, приведёт скорее не к факту приобретения, а к бесполезной потере труда¹. Согласно Канту, вовсе не труд, вложенный в вещь, а воля, направленная на нее, определяет собственность.

На первый взгляд может показаться, что кантианская концепция собственности – это простое отрицание идей Локка и возвращение к прежним теориям первоначального присвоения, и в этом смысле Кант идет по стопам Юма. Однако сравнение взглядов Канта и Юма открывает кантианские идеи в новом аспекте. И для Юма, и для Канта первоначальное присвоение и распределение собственности связаны с общим соглашением, т. е. отношения собственности устанавливаются не между человеком и вещью, а между человеком и людьми вообще, но основания этого соглашения представляются им по-разному. Юм не берется давать метафизическое обоснование первоначальному приобретению. Оно может быть следствием случайности, удачи, хитрости или силы. Это не имеет никакого значения, как не имеет значения и способ использования полученной собственности (земли). Просто на определенном этапе закрепление status quo оказывается выгоднее для общества, чем продолжение передела. При этом Юм настаивает на этическом измерении собственности: «...лица, которые употребляют слова собственность, право или обязательство до того, как объяснят происхождение справедливости, или даже пользуются ими для объяснения последней, повинны в очень грубой логической ошибке, и их рассуждения не могут иметь прочного основания... Происхождение справедливости объясняет и

¹ В уже упомянутой книге Р. Нозик, критикуя то же положение теории Локка, приводит забавный пример: «Если мне принадлежит банка томатного сока, и я проливаю ее в море, так, что молекулы... распространяются повсюду в воде, становлюсь ли я владельцем моря или просто глупо перевел банку томатного сока?» [7, р. 175].

происхождение собственности» [6, с. 531]. Для Юма справедливость – это конвенциональное основание первого порядка. Канту этого недостаточно. Воля первого приобретателя должна быть согласна с общей волей: «...право по отношению к каждому владельцу вещи означает лишь правомочие отдельного произвола пользоваться объектом, поскольку этот произвол может мыслиться как содержащийся в синтетической всеобщей воле и согласующийся с законами этой воли» [2, с. 182–183]. По Юму, частная собственность общепринята и *поэтому* справедлива – по Канту же, она общепринята, *потому что* справедлива.

Таким образом, Кант делает вывод, на который не решается Ролз в «Теории справедливости»²: не только распределение, но и сама система частной собственности основывается на а priori данных принципах человеческой свободной воли.

Своеобразный синтез взглядов Локка и Канта открывается в «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля. С одной стороны, вслед за Кантом Гегель признает, что источником собственности всегда выступает человеческая воля, а источником частной собственности – воля персональная. «В том, что лицо помещает свою волю в вещь, состоит понятие собственности, все остальное лишь его реализация» [1, с. 109]. Тем не менее кантианский идеализм Гегелем отвергается [там же, с. 104], и ссылок на а priori данные законы человеческой воли как основание собственности мы у Гегеля не находим. Он рассматривает вопросы собственности в ином ключе, обращая внимание, что человеческая воля может проявить себя исключительно во взаимодействии с вещью. «Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности» [там же, с. 101]. Если, с точки зрения Локка, собственность возникает вследствие вложения человеческого труда в вещь, то для Гегеля собственность – это скорее включение вещи в число атрибутов личности. Выражаясь метафорически, для Локка собственность подобна портрету владельца, зафиксированному, например, красками на холсте. По Гегелю же, собственность можно сравнить с зеркалом, отражающим смотрящего в него. Зеркало становится зеркалом только в том случае, когда некто глядится в него. В то же время, взгляд человека может превратить в зеркало гладь воды или оконное стекло. Портрет же остается портретом вне зависимости от того, смотрят на него или нет. Но у этой метафоры есть и другая

² Джон Ролз утверждает, что характеристики системы собственности определяются исключительно практически и прагматически. «Теория справедливости не включает эти вопросы (...) она может дать схематичное представление о некоторой справедливой экономической системе, допускающей несколько вариантов» [4, с. 244]. Каждое общество должно определить, будет ли экономика организована на основе частной собственности и рынка или же на централизованной плановой основе – философам же остается определение абстрактных принципов справедливости, применяемым вне зависимости от конкретных характеристик экономики.

сторона: не видя своего отражения, человек не может знать, как он выглядит. Таким образом, Гегелю удастся вывести на новый уровень интуицию Локка о некой связи между человеком и вещью, являющейся его собственностью. Необходимость и персональный характер этой связи определяют легитимность частной собственности.

Сегодня не только экономика, но и политика, культура, буквально все сферы общественной жизни оказываются связанными с идеей о фундаментальном значении частной собственности. Сказанное выше представляется достаточным для краткого изложения социально-философских истоков концепции частной собственности, лежащих в основании современного социума. Вся последующая история общественной мысли в данной сфере определяется либо развитием описанных концепций, либо их критикой. Особенно примечательно, что всякий социально-философский проект, претендующий на роль альтернативы либерально-буржуазному, неизбежно был связан с критикой изложенных в данной статье идей. Можно было бы предположить, что вопрос обоснования частной собственности сегодня, после падения социалистических режимов и установления практически повсеместного господства рыночной экономики, потерял всякий смысл. Народы с господствующей общей собственностью ничего не смогли противопоставить завоевателям, экономический коллективизм полностью дискредитировал себя в XX в. Сегодня у частной собственности не осталось конкурентов. Однако обоснование общественного института имеет смысл не только в связи с выбором альтернатив. Оно позволяет понять природу института и дает возможность применять его в новых условиях, адаптировать к новым вызовам. В современных условиях «ускользающего мира» (термин Э. Гидденса) мы уже не можем позволить себе воспринимать частную собственность как нечто раз и навсегда данное, и опыт философского обоснования этого института приобретает новое значение.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: Канон +, 2009. 400 с.
4. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
5. Толстой Л.Н. Письмо П.А. Столыпину 28 января 1908 года // Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. Т. 78. 457 с.
6. Юм Д. Трактат о человеческой природе или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. 733 с.

7. Nozick R. Anarchy, state and Utopia. Oxford: Basil Blackwell, 1974. 367 p.
8. Pufendorf S. On the Duty of Man and Citizen According to Natural Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 236 p.

JUSTIFICATION OF PRIVATE PROPERTY IN THE EUROPEAN PHILOSOPHY OF MODERNITY

I.V. Chalov

Tver State University, Tver

The formation of the bourgeois society in the modernity period demanded a philosophical justification of private property as the keystone of all social institutions without exception. In contrast to the contemporary society in which private ownership is perceived as a self-contained, philosophers of the XVII-XVIII centuries saw the need to justify it by correlating with the values of a higher order. The article sketches out the evolution of the idea of private property viewed in the perspective of the three most significant doctrines presented in the writings of John Locke, Immanuel Kant, and G.W.F. Hegel.

Keywords: *ownership, private property, genealogy of property, first appropriation, labor, agency.*

Об авторе:

ЧАЛОВ Илья Витальевич – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: chalov_ilia@mail.ru

Author information:

CHALOV Ilya Vitalievich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Political Science, Tver State University, Tver. E-mail: chalov_ilia@mail.ru